

VI. Литературно-художественное творчество славянских народов

О.В. Цыбенко
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Краковские впечатления русского переводчика Мицкевича (К 130-летию со дня смерти Н.В. Берга)

Abstract:

Tsibenko O.V. *The Krakov impressions of the Russian translator of A.Mickiewicz (Devoted to 130 years since N.V.Berg's death.*

N.V. Berg was the first to make a complete translation of the poem «Pan Tadeusz» by A. Mickiewicz into Russian. His great accomplishment became the writing of a historic study of the Polish rebellions which was remarkable for its objectivity. His essays about the turbulent revolutionary events in Krakov of 1863–1864 were based on the real impressions of the one who witnessed them. These essays were being published in popular Russian magazines in the same years.

Ключевые слова: очерк, русская публицистика XIX в., русские переводы Адама Мицкевича, польское восстание 1863 г., Краков.

Широчайший спектр позиций, высказываний русских деятелей культуры по польскому вопросу, обострившемуся в связи с польским восстанием 1863 г. и в последующий период, изучался во многих работах ученых России и Польши. Не в полной мере, тем не менее, исследовано восприятие поляков и Польши такими литераторами, чьи взгляды нельзя однозначно отнести к про- или антиправительственным. Независимая русская общественная мысль пробивала себе дорогу, вопреки ужесточившимся цензурным запретам, и в массовых печатных изданиях в 1860-е годы.

Привлекает внимание фигура Николая Васильевича Берга (1823–1884), выходца из небогатой семьи обрусевших прибалтийских дворян – поэта, переводчика, журналиста, историка. Он окончил Московский университет, служил чиновником, был корреспондентом на Крымской войне и в лагере гарибальдийцев, публиковал очерки по материалам поездок в Грецию, Турцию, Сирию, Палестину и Египет. В начале 1863 г. Берг как корреспондент газеты «Санкт-Петербургские ведомости» едет в охваченную восстанием Польшу. Его статьи появляются на страницах

газеты уже в марте–мае 1863 г., а в начале 1864 г. печатаются в «Библиотеке для чтения»¹.

Женившись на польке, он поселяется в Варшаве. В 1864–1869 гг. по заданию наместника Царства Польского графа Ф.Ф. Берга (своего однофамильца) занимается составлением истории восстания 1863–1864 гг. Заказчик рассчитывал увидеть в ней восхваление действий властей. Однако Берг, получив доступ к секретным архивам следственных комиссий и канцелярии наместника, создал серьезное исследование, пытался проанализировать не только ход, но и причины восстания².

С 1868 г. до смерти Берг – лектор русского языка и литературы в Варшавской Главной школе (с 1869 г. – Университете). В 1874–1879 гг. он редактировал официальную газету «Варшавский дневник», но вынужден был оставить этот пост из-за столкновения с цензурой. Берг – не столько активный деятель, сколько внимательный наблюдатель и летописец своей эпохи, он сотрудничал с изданиями различной ориентации, был знаком и переписывался с людьми самых разных взглядов, с виднейшими русскими писателями.

Наибольшую известность Бергу принесла его переводческая деятельность. Под влиянием М.П. Погодина и С.П. Шевырева в 1840-е гг. он занялся переводами славянской поэзии, к началу 1890-х гг. ему принадлежали не менее 3/4 переводов этой поэзии на русский язык, лирика некоторых народов впервые именно им была представлена русскому читателю.

Помимо многих других произведений Мицкевича, Берг впервые полностью перевел «Пана Тадеуша», издал перевод без цензурных купюр с двумя вступительными статьями в Варшаве в 1875 г. (фрагменты печатались ранее). В одном из предисловий – «Как и когда сделан мною перевод “Тадеуша”» – мы узнаем, что первые отрывки были опубликованы в «Москвитянине» в третьем номере за 1845 г.³ Неожиданно звучит, и это еще не привлекало внимания исследователей, признание Берга в том, что он увлекся поэмой под влиянием М.Н. Каткова. Чтение на польском сначала затрудняло Берга, и он вернул данные ему Катковым книги, не дочитав их и сказав, что «не нашел в них ничего особенно занимательного». Берг так передает реакцию Каткова:

«Удивляюсь – отвечал он – тут есть превосходные места! – Например, какие же? – спросил я. Он развернул первый том: – Например, вот это... вот это! – Указаны были, между прочим, „облака” в III песне, „леса” в IV, и „Войский трубит в рог” – там же.

Я взял книги обратно и заставил себя прочитать со вниманием эти места, а потом и всего «Тадеуша». Многое в нем меня до того поразило, что я, однажды вечером... присел и перевел под впечатлением сильного

вдохновения... сперва „леса”, потом „облака”; немного позже „Войский трубит в рог” и „жид играет на цимбалах”⁴.

При публикации первых двух отрывков, отмечает Берг, «разумеется, „литовские леса” стали „украинскими лесами”, „облака Литвы” изменились в „родные небеса”». После появления в 1832 г. в Париже III части «Дзядов» упоминание имени Мицкевича в печати было запрещено, но цензоры ни о чем не догадались. «Только одни поляки-студенты мне подмигивали и потирали руки, – пишет Берг. – Какая-то малороссийская дама писала к одному из моих знакомых в Москву: “Поблагодарите Берга за милое стихотворение о наших лесах, но та беда, что у нас таких лесов нет”⁵.

В 1858 г. Берг переводит еще два отрывка и публикует их в «Русском вестнике» уже как переводы из Мицкевича. Следующий «рывок» был сделан в 1860 г. и, наконец, в результате близкого знакомства с полякам и при сборе материалов для «Записок о польских заговорах и восстаниях» Мицкевич стал для Берга «почти родным по языку поэтом». «Весь Мицкевич» был у него «настолько же постоянно под руками, как Пушкин и Лермонтов». Свои переводы Берг читал другу Мицкевича Одынцу, который «нередко плакал», слушая их. Полное издание «Пана Тадеуша» по-русски автор перевода посвятил именно ему – «последнему Вайделоту Литвы», отмечая в заключение, что «в области искусства странно думать о нациях, о какой бы то ни было розни»⁶.

«Записки о польских заговорах и восстаниях» Берга дважды переводились в Польше в XIX в. (1880, 1900 – оба в Кракове). Автором последнего, полного варианта стал Кароль Радван Яскловский, участник январского восстания, затем эмигрант, потом организатор музея Чарторьжских в Кракове, который живо интересовался русской литературой, затрагивающей польский вопрос. В предисловии Яскловский характеризует труд Берга как первостепенный исторический материал, т. к. автор использовал недоступные источники. Особенно важна для него авторская позиция, так как «на протяжении всего повествования нигде не ощущается национального шовинизма, так сильно пробудившегося у русских после 1863 г.». Берг сохраняет возможную объективность, «особенно заметную, если его характеристику деятелей восстания сопоставить с характеристикой самых видных представителей победившей стороны»⁷. Добавим при этом, что Берг вовсе не был сторонником немедленного восстановления независимости Польши, мечты повстанцев считал несбыточными и много раз пытался убедить их в губительности их стремлений.

Уважение и симпатия к полякам, чьих позиций он не разделял, конечно, более отчетливо проявились в последнем издании «Записок...» 1884–1885 гг., тираж которого неслучайно практически полностью был уничтожен. Одним из немногих уцелевших экземпляров воспользовался для

своего перевода Яскловский. Но доброе, непредвзятое отношение к полякам, что удивительно, ощущается и в подцензурных очерках, публиковавшихся по горячим следам событий, например, в обширной (53 страницы) работе Берга «Краков и мои в нем похождения», напечатанной в массовом, пользовавшемся популярностью журнале «Библиотека для чтения» в марте 1864 г. Следует заметить, что этот очерк еще не привлекал внимания исследователей.

В ряде поэтических картин автор обозревает овевянные легендами прошлое Кракова, имевшего к тому времени тысячелетнюю историю. Его основатель Кракус, «с огромной силищей в плечах», с «добрым, бравым лицом, с усами Яна Собеского», глазами, как у орла; его дружина, «дюжиге ребята, немного разбойники, это правда, но... хорошие разбойники» выбрали счастливое место для своих изб. Город, выросший в этом месте, пережил много политических бурь, нашествий, имел независимый характер, «самого забубенного кракусского закала», сопротивлялся «немецкому пауку», стремящемуся поглотить славянство. Передавая своеобразие краковской атмосферы, Берг прибегает к небольшим вкраплениям польской речи, вместе с тем это именно русское восприятие, автор использует местами гоголевскую манеру: романтический, приподнятый стиль, поэтизирующий размах, удаль славянской стихии. Со своего рода лирическими отступлениями соседствуют точные данные об изменении численности населения, важнейших исторических событиях, датах и т. д. Берг восхищается знаменитыми «плантациями», полувековыми каштанами, под которыми гуляют няньки с детьми и «раненые повстанцы с подвязанными руками» подле хорошеньких паненок. Замок, Флорианская и др. улицы, Рынок – живое сердце города, разнообразие городских типов обрисованы детально в ряде пестрых картин, так же, как и будничная, и праздничная одежда баб и мужиков. Берг побывал и в «поднебесном жилище почтенного трубоча» на Мариакцкой башне, он цитирует в оригинале старую мазурскую песню о бое часов на башне и звуках трубы, подробно рассказывает о трубочисте Петре Вавжале, который, сославшись на старческую немощь, отказался даже за 2000 талеров влезать на шпиг для устройства иллюминации по желанию австрийцев, занявших Краков в 1796 г., и сделал это по собственной инициативе в 1809 г., когда ему было уже за 70, приветствуя въезд в город известного предводителя наполеоновских польских уланов, Юзефа Понятовского. Это происшествие, по мнению Берга, показывает, «какая сила заключена в симпатии и любви и как плохо и трудно действовать без них, опираясь только на одни штыки или деньги».

На русских при их появлении на улице непременно будут коситься, могут и «брусничный сок» выпустить из заподозренного в шпионстве. И бесполезно беспокоиться и маскироваться, обиды вам не сделают, «надо только быть совершенно честным человеком». «Жиды и жидовки,

составляющие в Кракове необыкновенно оригинальную и необходимую часть населения», быстро разменяют ваши рубли. «Экипажи и добрые кони – слабость поляков», как считает автор. Следует подробнейшее описание саней, бубенчиков, карет и колясок, громкого щелканья бичей, «джентльменов-кучеров». Кафедральный собор на Вавеле поражает своим богатством, а самый дворец королей обращен австрийцами в казармы. Автор уделяет внимание театрам и их репертуару, модным кофейням и отелям.

Переходя к характеристике текущего политического момента, Берг здраво рассуждает об австрийской тактике подавления «повстанского» духа: спроваживании опасной молодежи в Конгресувку, часто им давали даже ружья; гибель удалцов на русских штыках или ссылка в глухомань вполне устраивали австрийцев. В краковских же театрах допускались «задорные куплеты и “живые” картины с загадочным содержанием – и тут же по городу усиленные патрули, аресты, ревизии». Описаны две вспышки «повстанского» движения в самом Кракове, борьба «благоразумной» партии с «неслышанными страстями», политика газет «Час» («Czas» – «Время»), «Хвиля» («Chwila» – «Мгновение») и «Век» («Wiek» – «Эпоха»); отмечены «несчастное польское свойство не уживаться под одной хоругвью, а лезть в сторону и думать о своей, отдельной партии», вместе с тем – солидарность, готовность «утопить и швабов, и русских в одной ложке».

Берг, прибыв в Краков «при вторичной вспышке», застал аресты и в то же время безнаказанные действия «подземного Жонда» (правительства). Краковский «Жонд» в тот период был столь же развит, как варшавский. По его декретам пало в Кракове и окрестностях более ста жертв. По ночам к Бергу, в Саксонскую гостиницу, приходили посетители, называвшиеся повстанцами, выпрашивали какую-нибудь мелочь, ходили они по домам по 3–4 человека. По истечении месяца Берг к ним уже привык. Слуга Станислав называл их «лотрами» (прохвостами), а не настоящими повстанцами.

Сюжетным центром очерка явились две сцены ревизий, произведенных в комнате Берга сначала «народовым Жондом», а затем австрийской полицией, воссозданные автором по контрасту, и последовавшие затем арест и двухдневное пребывание его в австрийской тюрьме «под телеграфом».

Господин в енотовой шубе и его помощник были вежливы и деликатны, представили разрешение на обыск, подписанное «народовым Жондом», с гербовой печатью, расспрашивали о цели приезда, познакомились с частной перепиской, уверили Берга, по его просьбе, что они действительно «поляки, народ, а не переряженная немецкая полиция». Господин в енотовой шубе (он показался Бергу студентом одного из российских университетов) перешел на русский язык: «Эх, батюшка! Да на

что австрийцам такие комедии и маскарады? Они просто придут с солдатами. Когда-нибудь убедитесь в разнице...». В разнице пришлось убедиться «даже очень резко и горько».

Через месяц обстановка в городе круто изменилась: участились аресты и ревизии, патрули двигались за патрулями. Каждый день из Саксонской гостиницы постояльцев забирали в тюрьму. 1 марта 1864 г. вышел императорский манифест, объявлявший Галицию и Краков на военном положении. Бергу после унижительного допроса власти предписали выезд в 24 часа, затем полицейские неожиданно нагрянули в гостиницу, бесцеремонно и без всяких объяснений везде рылись, конфисковали часть бумаг, фотографии, брошюры, свободно купленные в городе, «повстанскую ассигнацию», его статью о Кракове. Последовал еще один допрос, и он оказался, «в лучшей и удобнейшей повстанской тюрьме», в том здании, где был когда-то телеграф. Хуже было в «криминале», еще хуже – в «замке». От какого-то комитета в тюрьму носили «народову каву» и «народовы обяд» (казна обеспечивала только воду). На стенах соседствовали нарисованные углем надписи патриотического характера и шуточные стихи, латинские, польские, чешские и даже русские слова. Ненавидимый повстанцами предатель-поляк, служивший австрийцам полицейский чиновник, изображен был на виселице.

Описаны Бергом и разные типы повстанцев, а также их поначалу настороженное к нему отношение. Так, вскоре после описанных событий его пригласили на именины двух Казимиров, и там выяснилось, что среди вновь прибывших заключенных были два московских студента, хорошо знавших Берга, еще один поляк был осведомлен об обыске его повстанцами, которые убедились в том, что он честный человек, не шпион. Этот поляк рассказал, как они разоблачили одного швейцара-provokatora, скрывавшего свое настоящее имя. Атмосфера на именинах в стенах тюрьмы стала вполне дружеской. В более откровенном разговоре речь шла и о будущем освободительного движения. Повстанцы не теряли надежды – если не на успех, то на «движение вперед», «на какое-нибудь движение». Не было уныния на лицах даже тех, кого переводили в более строгую тюрьму. Магическое слово «poświęcenie» (самопожертвование) делало их беспечными, по характеристике Берга.

Фигуры случайных прохожих, уличные торговки, лица из толпы, служащие в гостинице, «лотры» из попрошаек, понятые при обыске, повстанцы, ставшие соседями по тюрьме, с их занимательными рассказами о своем участии в битвах чуть не по всему миру, девушка, приносившая в тюрьму воду в кувшине (хотя там воды было вдоволь), которая тут же выпивалась «сверх всякой необходимости», оказавшийся в тюрьме молоденький ксендз, вожди, журналисты, театральные деятели. Вся эта галерея лиц, метко и часто с юмором и симпатией изображенная на фоне

мелких подробностей быта, рисовала в воображении читателей образ народа живого, независимого, пестрого и одновременно единого в стремлении поддерживать друг друга, все отдать за свободу, за родину, презиравшего предателей; не позволяла видеть в нем «плакатного» врага. Союзные австрийцы выглядят в очерке куда менее симпатичными, хотя и не демонизируются. С поляками же у Берга постоянно возникают доверительные отношения, он не отождествляет себя с ними, но чувствует в них братское славянское племя. И сам, в свою очередь, оказывается для них хоть и «москалем», но «честным человеком», а после отсидки в австрийской тюрьме становится чуть ли не героем для польских служащих Саксонской гостиницы.

Думается, очерк Берга о Кракове имел большое значение для русских читателей того времени, когда они были наслышаны в основном о поляках как предателях славянства, он многим любопытен и в наше время, увлекателен, в хорошем смысле слова «нравоописателен».

В последние годы появилось немало работ, где с новых позиций рассматривается политика русификации, подавления национального самосознания, исходившая от русских властей после 1863 г., и враждебное отношение, чувство протеста по отношению к русским со стороны большей части польского общества. Так, многозначительно само название коллективной монографии «Из дома неволи» под редакцией профессора Януша Мацевского. В этом сборнике опубликована статья профессора Янины Кульчицкой-Салони «Не присутствующие?» о том, что в Варшаве второй половины XIX в. были не только русификаторы, но и значительные русские деятели науки, литераторы, которые искренно интересовались польской жизнью и, в конечном счете, они не могут быть исключены из истории польской культуры. Она считает необходимым извлечь из „небытия” профессора-историка Н.И. Кареева и Н.В. Берга. Автор статьи характеризует переводческую деятельность последнего и высоко оценивает научную значимость, объективность его «Записок...»⁸.

Примечания

¹ Отдельный оттиск – «Статьи о польском восстании 1861–1863». 1865; очерк «Краков и мои в нем похождения» // Библиотека для чтения. 1864. № 3.

² См.: Русский архив. 1870–1873; Отдельное издание – М., 1873; Русская старина. 1879. № 2–5, 7–12. В значительно расширенном виде и без цензурных купюр под названием «Записки о польских заговорах и восстаниях» изданы Бергом за границей (Т. 1–4, Познань, 1884–1885; запрещены к ввозу в Россию). О том, что место их издания – Познань – указано фиктивно, см.: *Kulczycka-Saloni J.* Nieobecni?! // *Z domu niewoli. Sytuacja polityczna a kultura literacka w drugiej połowie XIX w.*, Wrocław, 1988. S. 183–196. О «Записках...» писал петербургский историк: *Sztakelberg J.I.* Pamiętniki o polskich spiskach i powstaniach 1831–1864 N.W. Berga // *Przegląd Historyczny*. 1968. T. 59. Zeszyt 1.

³ Перевод издан без упоминания автора – отсюда неточность в указанной выше статье Я. Кульчицкой-Салони: первые переводы Берга из Мицкевича она находит в сб. «Песни разных народов» (1854) – см.: *Kulczycka-Saloni J. Nieobecni?...*

⁴ Берг Н.В. Как и когда сделан мною перевод «Тадеуша» // Адам Мицкевич. Пан Тадеуш. Варшава, 1875. С. XXI–XXII.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. XXVIII.

⁷ Цит. по: *Kulczycka-Saloni J. Nieobecni?..* S. 194.

⁸ См. примечание 2.